

Мамед Гусейн оглы Мустафаев

Ведущий специалист научного отдела Поволжского
института управления – филиала РАНХиГС

E-mail: yakamoz1001@mail.ru

Роль и значение правовой культуры в процессе межгосударственной интеграции

Аннотация. На фоне сохраняющихся тенденций региональной кооперации в рамках международных организаций интеграционного типа актуальность вопросов о роли и значении правовой культуры в этих процессах только возрастает. Целью работы является определение роли правовой культуры как самостоятельного регулятивного фактора межгосударственной интеграции и обоснование правовых механизмов, обеспечивающих сосуществование национальных правовых культур в рамках интеграционных объединений. Методология исследования основывается на использовании многообразия подходов и методов, среди которых особое место занимают междисциплинарный, сравнительно-правовой и системно-структурный. Научная новизна работы состоит в обосновании роли правовой культуры не только как социокультурного контекста, но и как регулятивного фактора, определяющего пределы и формы правовой гармонизации, что показано на примерах деятельности органов конституционного контроля государств – участников ЕАЭС и ЕС. Делаются выводы о роли и значении правовых культур в рамках формирования и трансформации общественных отношений, складывающихся в процессе межгосударственной интеграции. Автором сформулированы предложения по выработке правовых механизмов, основанных на концепции правового плюрализма и учитывающих особенности правовых систем государств – участников.

Ключевые слова: правовая культура, конституционная идентичность, европейское право, наднациональность, правовая интеграция.

Mamed Gusein oglu Mustafayev

Leading Specialist, Research Department, Povolzhsky Institute
of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANEPA

(Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration)

The Role and Significance of Legal Culture in the Process of Interstate Integration

Annotation. The authors think that against the backdrop of continuing trends toward regional cooperation within international integration organizations, the relevance of questions about the role and significance of legal culture in these processes is only increasing. The aim of this paper is to determine the role of legal culture as an independent regulatory factor in interstate integration and to substantiate legal mechanisms that ensure the coexistence of national legal cultures within integration associations. The research methodology is based on a variety of approaches and methods, including interdisciplinary, comparative legal, and systemic-structural approaches. The scientific novelty of this paper lies in its substantiation of the role of legal culture not only as a sociocultural context but also as a regulatory factor determining the limits and forms of legal harmonization, as illustrated by examples of the activities of constitutional review bodies in the EAEU and EU

© Мустафаев М. Г. оглы, 2026

---

member states. Conclusions are drawn regarding the role and significance of legal cultures in the formation and transformation of social relations that develop during the process of interstate integration. The author has formulated proposals for the development of legal mechanisms based on the concept of legal pluralism and taking into account the specific legal systems of the participating states.

Keywords: *legal culture, constitutional identity, European law, supranationality, legal integration.*

Вопросы сочетания и сосуществования национальных правовых культур в ходе глобализации продолжают сохранять свою актуальность и на современном этапе развития международных отношений. В условиях экономических санкций, политики изоляции и международного давления расширение межгосударственных связей путем участия в межгосударственных организациях приобретает для Российской Федерации важное значение, в связи с чем исследование вопросов сочетания и сосуществования правовых культур в рамках построения и развития интеграционных процессов является актуальным.

Нередко интеграционные процессы в рамках функционирования интеграционных объединений воспринимаются как вызов конституционной идентичности, что влияет на усиление мер по выработке дополнительных правовых механизмов по защите самобытности государства. Принимая во внимание недостаточный уровень изученности вопросов влияния интеграционных процессов на развитие национальных правовых культур, следует отметить, что на сегодняшний день отсутствует единая точка зрения о роли и значении правовой культуры в процессе межгосударственной интеграции.

С. В. Бахин рассматривает межгосударственную интеграцию в качестве процесса правовой конвергенции, обеспечивающего объединение материальных, организационных, финансовых, трудовых, интеллектуальных ресурсов отдельных стран в целях совместного решения проблем, связанных с их функционированием и развитием [1, с. 64]. Следует отметить, что с точки зрения конституционного права последствия межгосударственной интеграции наиболее ощутимы в деятельности наднациональных институтов, создаваемых для правового регулирования интеграционных процессов, чьи решения становятся обязательными для государств — участников в рамках общего правового пространства.

С. Г. Стоякин раскрывает сущность межгосударственной интеграции в узком и широком смысле. Под интеграцией в широком смысле он подразумевает «форму сотрудничества определенной группы государств, в рамках которого эти государства совместно реализуют цели в различных областях сотрудничества по взаимному сближению». В узком смысле, по мнению ученого, межгосударственная интеграция представляет собой «форму сотрудничества определенной группы государств, которое, гипотетически, имеет своим ориентиром создание единого государства и сопровождается наделением данной группы государств явно выраженными признаками целого, т.е. качественной и количественной определенностью государства, в частности наднациональными полномочиями» [2, с. 26].

Значимую роль правовой интеграции отмечает и В. Г. Тихиня, обращая внимание на то, что «современное право выступает в качестве инструмента интеграции, а также является средством управления процессами глобализации» [3, с. 7].

С приведенными точками зрения можно согласиться, т. к. участие государств в интеграционных объединениях предполагает неминуемое сближение национальных правовых систем. В свою очередь, степень сближения может быть различной и зависит главным образом от конституционно-правовой природы межгосударственного объединения, его институциональной структуры, а также от целей и задач интеграции. Другими словами, правовая интеграция в конечном счете ведет к формированию интегративного правового порядка, включая гармонизацию и унификацию национальных правовых систем.

Опираясь на изученные подходы, сформулированные в отечественной юридической науке, межгосударственную интеграцию можно определить в качестве процесса поэтапного сближения суверенных государств в рамках международной организации, созданной на основе международного договора для совместного достижения целей государств — участников с помощью гармонизации национальных правовых систем, обеспечивающей единообразное конституционно-правовое регулирование интеграционных процессов в различных сферах взаимодействия.

Каждое государство в процессе своего конституционного развития накопило правовые традиции и самобытные элементы правовой культуры. Различия и специфические черты национальной правовой культуры особенно отчетливо стали проявляться с началом процессов глобализации при соприкосновении с правовыми культурами других стран, адаптируясь к ним, обогащая или перенимая некоторые их элементы, либо вступая в конфликт в конкретных сферах регулирования в ходе правовой интеграции. Под глобализацией с точки зрения права в данном случае понимается процесс унификации в мировом масштабе правовых принципов и норм, прежде всего, в области защиты прав и свобод человека, когда международные правовые стандарты носят универсальный характер и становятся одинаково эффективны во всех регионах мира.

В юридической литературе существуют различные подходы к определению понятия правовой культуры. Она рассматривается учеными в качестве довольно обширной правовой категории, охватывающей все компоненты жизни личности и общества, так или иначе связанные с правом и правосознанием [4, с. 247]. Между тем к наиболее общим из них правоведы относят уровень правового развития личности и общества, объем и качество правовых знаний, установок и накопленных правовых ценностей, степень совершенства и эффективности права и юридической практики, уровень развития правовой системы, а также обеспечение правового порядка и законности [5, с. 8]. Следовательно, правовую культуру можно определить как национальную систему правовых ценностей и ориентиров, основывающихся на уровне правового развития общества и охватывающих все аспекты правовой жизни, включая правотворческую и правоприменительную деятельности.

Примечательно, что процессы глобализации, с одной стороны, направлены на интернационализацию общественных отношений, а с другой стороны, обусловлены чрезмерным влиянием и, как правило, западным, воздействующим на более традиционные правовые культуры. На практике позитивные эффекты от интеграции в виде повышения уровня защиты основных прав и свобод человека сопровождаются снижением степени самостоятельности национальных правовых институтов в связи с несоответствием национальной правовой системы столь высоким требованиям в области защиты прав и свобод человека.

Как отмечает О. Н. Братусева, основными факторами влияния западных правовых культур на правовые культуры других стран преимущественно стали мозаичность и взаимная автономия различных сфер, что сделало отдельные элементы западной правовой культуры более подвижными и гибкими, способными быстро проникать в другие незападные правовые культуры [6, с. 12].

Суть подобного рода проникновения во многом характеризуется спецификой межгосударственных отношений, в частности, становлением и развитием интеграционных процессов.

В этом контексте к главным правовым механизмам укрепления и расширения влияния западной правовой культуры в процессе интеграции можно отнести создание межгосударственных органов по защите прав человека, правовые позиции и прецедентная практика которых сыграли значительную роль в формировании законодательства и подходов правоприменителей на территории органов государств — участников.

Именно в Европейском Союзе впервые был образован международно-правовой механизм, обеспечивающий защиту прав и свобод человека в виде Европейского суда по правам человека и Европейской комиссии по правам человека, наделенных наднациональными полномочиями для реализации своих функций. И напротив, в регионах, представляющих незападные правовые культуры, наблюдаются сложности с созданием и реализацией подобного рода межгосударственных институциональных конструкций.

Например, на Африканском континенте, несмотря на принятие основополагающего международного документа по защите прав человека — Африканской хартии прав человека и народов (1981), а также создание в 1987 г. специального органа — Африканской комиссии по правам человека и народов, призванной обеспечивать реализацию положений хартии, реального эффекта, в силу особенностей местной правовой культуры и социально-экономического фактора, не возымело.

Схожая ситуация сложилась в регионе Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, где в целях создания единых стандартов по защите прав человека с уклоном на местные культурные особенности были приняты Всеобщая исламская декларация прав

человека (1981), разработанная Европейским исламским советом, действующим в структуре ЮНЕСКО, Арабская хартия прав человека (2004), принятая в рамках Лиги арабских государств, а также Азиатская декларация прав человека (2012), принятая странами — участницами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Причины неэффективности всех указанных форматов объясняются во многом неудачами, связанными с попытками соединения в одно целое западных правовых стандартов и традиционных элементов местных правовых культур.

Н. Г. Павлова отмечает, что в правовых системах неевропейского типа «право слито с религиозными и нравственными нормами, когда подчас позитивное писаное право выстроено в соответствии с европейскими традициями (есть кодексы, конституции), но их наполнение пронизано религиозно-нравственным смыслом. А главное, правосознание, отношение к праву, к суду слито с религиозно-нравственным сознанием» [7, с. 189].

К этому следует добавить, что подходы к вопросам о защите прав и свобод человека в незападных странах формируются на основе региональных и национальных контекстов. В частности, большое значение наравне с правами индивида имеют и его обязанности, что присуще религиозным и нравственным концепциям стран Азии. Весьма критически к западной концепции универсальности прав человека в других регионах относятся в том числе из-за отказа рассматривать вопрос о толковании норм о правах человека и возможной их корректировке в соответствии с региональной спецификой. Следовательно, общепринятые нормы Всеобщей декларации прав человека (1948) в незападных странах могут в различной степени вступать в конфликт с основополагающими правовыми принципами и ценностями.

Наряду с этим, изучение проблематики роли и значения правовой культуры в процессе межгосударственной интеграции представляет особый интерес в рамках более тесных форматов межгосударственного сотрудничества. Речь идет о международных организациях интеграционного типа или интеграционных объединениях, характеризующихся наднациональным правовым регулированием, чьи институты обладают определенным уровнем автономности при принятии общеобязательных решений в сравнении с классическими межправительственными международными организациями, у которых такие специальные полномочия, как правило, отсутствуют [8, с. 121].

Феномен сосуществования и взаимодействия различных правовых культур в рамках функционирования интеграционных объединений имеет практическое выражение, его можно проанализировать на примере опыта функционирования Европейского Союза, объединившего множество стран с разными культурными особенностями и уровнями правового и социально-экономического развития. Формулу, по которой удалось воспроизвести и развивать европейский интеграционный проект, можно усмотреть в концепции правового плюрализма, допускающей существование сразу нескольких правовых систем, конкурирующих между собой [9, с. 87], при которой регулирование правоотношений осуществляется в рамках более чем одного правопорядка [10, с. 38].

Жизнеспособность сосуществования конкурирующих правовых систем подтверждает и Л. С. Шелефф, говоря о том, что реальная польза правового плюрализма кроется в поиске возможных решений для запутанных проблем политико-правового характера, а также в толковании действующих правовых конструкций. Ученый отмечает, что будущее развитие в международном праве зависит от признания параллельных юрисдикций с распределением властных полномочий, когда наднациональному суду отводится более высокое положение в сравнении с национальными [11, с. 432].

Вместе с тем другие авторы высказывают определенный скепсис по поводу долгосрочного сосуществования разных правовых культур в рамках одного межгосударственного объединения. По мнению Б. Таманаха, в конечном счете такое положение дел приводит к возникновению вопроса о приоритете тех или иных правовых ценностей и принципов, что может повлечь наступление потенциальных правовых конфликтов [12, с. 375].

Однако наиболее интересной выглядит предложение Л. В. Якушева, поддерживающего тезисы о сосуществовании различных правовых культур посредством преодоления барьеров, сдерживающих соединение ценностных пластов, принадлежащих изначально к разным правовым культурам. По мнению ученого, «превращение прав

человека в универсальный критерий моральной оценки общественно-политической практики типологически является именно таким процессом» [13, с. 122].

Приведенные позиции ученых, безусловно, отражают две стороны медали, описывая возможные положительные и отрицательные эффекты и правовые последствия от использования концепции правового плюрализма в рамках интеграционных процессов. Однако следует согласиться с теми авторами, чьи идеи позволяют выявить предпосылки и особенности сосуществования различных правовых культур для достижения целей государств — участников.

Вопрос сочетания правовых культур различных стран в практическом измерении обнаруживается в ходе гармонизации законодательства в конкретных сферах. По мнению Н. А. Славовой, «взаимодействие правовых культур проявляется, прежде всего, в форме рецепции права, т. е. заимствования и приспособления к условиям определенной системы права» [14, с. 54]. В связи с этим следует отметить, что гармонизация правовых систем в рамках интеграционных объединений оказывает более существенное влияние на правовые культуры государств — участников посредством внедрения общеобязательных правовых стандартов и принципов в национальное законодательство. Это проявляется в сфере юридической деятельности, процессуальные формы и содержание которой унифицируются в правотворчестве и правоприменении. Внедрение новых элементов в правовые культуры интегрирующихся государств и совершенствование их правовых систем являются важнейшими проявлениями интеграционных процессов с точки зрения права.

При этом правовые порядки, формирующиеся в рамках интеграционных объединений, оказывают на правовые культуры государств — участников трансформирующее влияние, в том числе на взаимодействие между ними. Одновременно с этим гармонизация национальных правовых систем ведет к снижению существующих правокультурных различий, что может рассматриваться в качестве положительного эффекта.

Процессы актуализации национального законодательства и обогащения правовых культур постсоветских стран были также во многом обусловлены их участием в международных организациях интеграционного типа. Несмотря на разнообразие подходов в определенных сферах конституционно-правового регулирования, постсоветские государства на практике демонстрировали стремление к единству фундаментальных конституционных ценностей и принципов [15].

В дополнение к этому можно выделить определенную схожесть конституционных принципов в постсоветских странах, которые образуют ценностно-правовой каркас интеграционного развития, устанавливая допустимые рамки правовой гармонизации и обеспечивая сосуществование правовых культур. В этом контексте А. В. Нечкин отмечает, что конституции постсоциалистических государств представляют собой некий симбиоз опыта общего социалистического прошлого и новых идей, выработанных за десятилетия независимого существования, в том числе с определенной долей заимствования зарубежного опыта [16, с. 89].

Эти процессы в результате нашли свое отражение в массовых конституционных преобразованиях, осуществленных во всех странах постсоветского пространства, не только затронувших основы конституционного строя, формы и порядок организации публичной власти, но и внедривших новые ценностные ориентиры развития государства и общества, в том числе обогатившие правовую культуру новыми элементами.

В свою очередь, анализ и выявление особенностей правовой культуры позволяет оценить объем и рамки рецепции, за пределами которых она становится бессмысленной, что ограничивает национального законодателя в попытках слепого заимствования чужих правовых моделей. Такое положение дел характерно, в первую очередь, для относительно молодых государств, чьи институты еще до конца не сформированы и находятся в поиске наиболее эффективных моделей устройства, уже апробированных на практике в развитых странах.

Такая ситуация характерна и для постсоветского пространства, где национальные правовые системы государств, как правило, выстраивались заново в условиях новых экономических и политических условий, путем заимствования в разной степени зарубежного правового опыта и практики. Но не стоит умалять и опыт советского периода, влияние

которого продолжает играть важную роль в развитии правовой культуры новых независимых государств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно правовая культура выступает фактором, определяющим глубину и пределы интеграционного сближения. Государства с устойчивой правовой культурой способны выстраивать конституционно-правовые механизмы защиты своей конституционной идентичности, тогда как государства с неустоявшейся правовой культурой оказываются более уязвимыми перед внешним правокультурным воздействием. Следовательно, правовая культура является не только объектом трансформации в процессе интеграции, но и самостоятельным регулятивным фактором, определяющим характер, темпы и границы межгосударственного сближения.

В этом контексте конституционная реформа 2020 г. в России способствовала развитию конституционно-правовых механизмов, основанных на уровне правовой культуры, ориентированной на традиционные национальные ценности. Это имеет немалое значение для сотрудничества с постсоветскими странами, разделяющими схожие приоритеты, например в рамках Содружества независимых государств, Союзного государства России и Беларуси, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что способствует развитию и укреплению правовой культуры через общие ценности.

Образование ЕАЭС в 2015 г. преследовало, в первую очередь, цель унификации взаимоотношений в сфере экономики. В то же время тесное сотрудничество в области таможенного и трудового регулирования способствовало усилению миграционных потоков, что дало импульс унификации правового регулирования в других областях сотрудничества. В этой ситуации возникает потребность для учета особенностей правовой культуры государств — участников в процессе межгосударственного сотрудничества.

Следует отметить, что государства — участники интеграционных объединений имеют различные уровни правовой культуры, устоявшиеся правовые концепции и доктрины, отражающие национальную самобытность. В связи с этим полноценное и эффективное межгосударственное сотрудничество становится возможным при условии гибкости и адаптации правовых культур для их устойчивого сосуществования. При этом стоит учесть, что степень самостоятельности правовых систем в рамках более глубоких форматов межгосударственного взаимодействия зависит от уровня национальной правовой культуры, способности правильно воспринимать и реагировать на проникновение чужих правокультурных элементов в процессе правовой конвергенции.

Необходимость сближения и взаимообогащения правовых культур интегрирующихся стран продиктована неминуемыми процессами интернационализации общественных отношений, в связи с чем выработка правовых механизмов для распространения и применения универсальных международно-правовых стандартов в целях сосуществования правовых культур видится в деятельности правоприменительных органов, в частности, национальных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, применяющих в том числе нормы международного (наднационального) права, а также в правовых позициях органов конституционного контроля государств — участников.

Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 14.07.2015 № 21-П установил возможность неисполнения решений Европейского суда по правам человека в случае их противоречия Конституции РФ, обосновав приоритет конституционной идентичности при определении пределов имплементации норм международных договоров [17]. Аналогичные подходы прослеживаются в практике конституционных судов государств — членов ЕС. К примеру, Федеральный конституционный суд ФРГ в решении по делу о Лиссабонском договоре (BVerfG, 30.06.2009, 2 BvE 2/08) сформулировал доктрину контроля конституционной идентичности (Identitaetskontrolle), закрепив за собой полномочие проверять акты ЕС на предмет соответствия неизменяемому ядру Основного закона ФРГ [18].

Возможность органов конституционного контроля оказывать влияние на адаптацию новых правокультурных элементов, а также координировать действия с интегративными (наднациональными) институтами может способствовать формированию правового механизма, эффективно реагирующего на конфликты между элементами различных правовых культур.

Кроме того, подобные правовые механизмы и средства могут быть воплощены в программных документах, отражающих национальные цели развития государств — участников.

В качестве примера можно привести Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, в которой определены традиционные российские духовно-нравственные ценности [19], а также Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [20]. Подобные документы являются руководством к действию для национальных органов публичной власти, отвечающих за формирование в том числе определенных элементов правовой культуры.

Важно также уделить внимание стратегическим документам на уровне интеграционных объединений, в которых должны быть предусмотрены положения о ценностных ориентирах объединения, с учетом конституционных традиций и правовой культуры государств — участников. Примером такого подхода служат Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденные решением Высшего Евразийского экономического совета, а также Договор о Европейском Союзе, закрепляющий в ст. 2 общие ценности государств — членов, включая уважение человеческого достоинства, свободу, демократию и верховенство права. Это позволит избежать правовых конфликтов между странами — участницами, с одной стороны, и станет своего рода визитной карточкой организации с заранее оговоренными ценностями и целями для стран, желающих присоединиться, — с другой.

Теоретическое и практическое значение исследуемой проблематики для российской юридической науки заключается в обосновании роли правовой культуры в качестве регулятивного фактора межгосударственной интеграции. Проведенный анализ показывает, что правовая культура определяет пределы правовой гармонизации. Государства, принадлежащие к различным правовым семьям, способны к интеграции при условии применения концепции правового плюрализма, допускающей параллельное существование конкурирующих правопорядков при координирующей роли органов конституционного контроля. Результаты работы формируют научный плацдарм для дальнейшего изучения вопросов о роли и значении правовой культуры в процессах межгосударственной интеграции. Выявленные проблемы и предложенные механизмы по их урегулированию могут быть учтены и использованы в рамках широкого круга исследований, касающихся правокультурного фактора в интеграционных процессах. Принимая во внимание малый объем научных трудов по исследуемой теме, а также современные тенденции усложнения международных отношений, потребность в изучении данных вопросов возрастает, поскольку служит своего рода ключом к преодолению кризисов в рамках международных организаций интеграционного типа.

Пристатейный библиографический список

1. Бахин С. В. Понятие и механизмы международно-правового сближения правовых систем // Российский ежегодник международного права. 2001. Т. 2001. С. 64–87.
2. Стоякин С. Г. Международная интеграция: понятие, виды, формы // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 17–30.
3. Тихиня В. Г. Интеграционные процессы современной Беларуси. Минск : Право и экономика, 2021.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Издательский дом «Дело» : РАНХиГС, 2022.
5. Карташов В. Н. Правовая культура: понятие, структура, функции. Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 2008.
6. Братусева О. Н. Правовые культуры в условиях глобализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
7. Павлова Н. Г. Национально-культурные пределы правовой интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Юридические науки. 2018. № 22. 172–195.
8. Чайка К. Л. Влияние интеграции на роль и функции международных организаций // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 2. С. 99–127.
9. Бенда-Бекманн К. фон. Правовой плюрализм в международном контексте // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 87–95.

10. Ковлер А. И. Антропология права и правовой плюрализм (права человека и права народов) // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003. С. 24–50.
11. Sheleff L. S. *The Future of Tradition: Customary Law, Common Law and Legal Pluralism*. London : Frank Cass, 1999.
12. Tamanaha B. Z. *Understanding legal pluralism: past to present, local to global* // Sydney L. Rev. 2008. Vol. 30. P. 375–411.
13. Якушев Л. В. Идея прав человека на пересечении культурных традиций (спор об азиатских ценностях) // Философия и общество. 2019. № 4. С. 111–122.
14. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1, № 3. С. 48–55.
15. Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М. : Норма, 2004. С. 671–691.
16. Нечкин А. В. Конституции стран СНГ и других постсоциалистических государств: сравнительно-правовой обзор // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5. С. 89–90.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собр. законодательства РФ. 2015. № 30, ст. 4658.
18. BVerfG, Urteil vom 30. Juni 2009, 2 BvE 2/08 (Lissabon-Urteil) // BVerfGE 123, 267.
19. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 2), ст. 5351.
20. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

References

1. Bahin S. V. *Ponyatie i mekhanizmy mezhdunarodno-pravovogo sblizheniya pravovyh sistem* // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Concept and Mechanisms of International Legal Convergence of Legal Systems // Russian Yearbook of International Law]. 2001. Vol. 2001, Pp. 64–87.
2. Stoyakin S. G. *Mezhdunarodnaya integraciya: ponyatie, vidy, formy* // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [International Integration: Concept, Types, Forms // Moscow Journal of International Law]. 2004. No. 3. Pp. 17–30.
3. Tihinya V. G. *Integracionnye processy sovremennoj Belarusi* [Integration Processes of Modern Belarus]. Minsk : Pravo i ekonomika [Law and Economics Publishing house], 2021.
4. Matuzov N. I., Malko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: Textbook]. M.: Izdatelskij dom «Delo» : RANHiGS [Publishing House «Delo»: RANEPa]. 2022.
5. Kartashov V. N. *Pravovaya kul'tura: ponyatie, struktura, funkcii* [Legal Culture: Concept, Structure, Functions]. Yaroslavl : Yaroslavskij gos. un-t [Publishing house of Yaroslavl State University], 2008.
6. Bratuseva O. N. *Pravovye kul'tury v usloviyah globalizacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Cultures in the Context of Globalization: thesis to dissertation for of Candidate degree in Legal sciences]. M., 2009.
7. Pavlova N. G. *Nacional'no-kul'turnye predely pravovoj integracii* // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov [National-Cultural Limits of Legal Integration // Journal of Peoples' Friendship University of Russia]. Series : Legal sciences. 2018. No. 22. Pp 172–195.
8. CHai ka K. L. *Vliyanie integracii na rol' i funkcii mezhdunarodnyh organizacii* // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN [The Impact of Integration on the Role and Functions of International Organizations // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2022. Vol. 17, No. 2. Pp. 99–127.
9. Benda-Bekmann K. fon. *Pravovoj plyuralizm v mezhdunarodnom kontekste* // Obychaj i zakon. Issledovaniya po yuridicheskoj antropologii [Legal Pluralism in the International Context // Custom and Law. Studies in Legal Anthropology]. M., 2002. Pp. 87–95.

10. Kovler A. I. Antropologiya prava i pravovoj plyuralizm (prava cheloveka i prava narodov) // Olen' vseгда prav. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii [Anthropology of Law and Legal Pluralism (Human Rights and the Rights of Peoples) // The Deer is Always Right. Studies in Legal Anthropology]. M., 2003. Pp. 24–50.

11. Sheleff L. S. The Future of Tradition: Customary Law, Common Law and Legal Pluralism. London : Frank Cass, 1999.

12. Tamanaha B. Z. Understanding legal pluralism: past to present, local to global // Sydney L. Rev. 2008. Vol. 30. R. 375–411.

13. YAkushev L. V. Ideya prav cheloveka na peresechenii kul'turnyh tradicij (spor ob aziatskih cennostyah) // Filosofiya i obshchestvo [The Idea of Human Rights at the Intersection of Cultural Traditions (the Debate on Asian Values) // Philosophy and Society]. 2019. No 4. Pp. 111–122.

14. Slavova N. A. Pravovaya kultura: ponyatie i funkcii // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva [Legal Culture: Concept and Functions // Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev]. 2020. Vol. 1, No 3. Pp. 48–55.

15. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran : uchebnik dlya vuzov [Constitutional Law of Foreign Countries: Textbook for Universities] / under the common edition of M. V. Baglay, YU. I. Lejbo, L. M. Entin. M. : Norma [Publishing house], 2004. Pp. 671–691.

16. Nechkin A. V. Konstitucii stran SNG i drugih postsocialisticheskikh gosudarstv: sravnitel'no-pravovoj obzor // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka [Constitutions of the CIS Countries and Other Post-Socialist States: A Comparative Legal Review // Russian Law: Education, Practice, Science]. 2018. No. 5. Pp. 89–90.

17. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.07.2015 № 21-P // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2015. № 30, st. 4658 [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015 No. 21-P // Collected legislation of the Russian Federation. 2015. No. 30, Art. 4658].

18. BVerfG, Urteil vom 30. Juni 2009, 2 BvE 2/08 (Lissabon-Urteil) // BVerfGE 123, 267.

19. O Strategii nacionalnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii : Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2021. № 27 (ch. 2), st. 5351 [On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part 2), Art. 5351].

20. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej: Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2022. № 46, st. 7977 [On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46, Art. 7977].